

Tatjana Stoikova – filologijas mokslų daktarė, Ventspilio universitetinio koledžo Taikomosios lingvistikos centro vyresnioji mokslo darbuotoja,

Moksliniai interesai: kontaktinė lingvistika (rusų, slavų ir baltų kalbos), lyginamoji semantika (frazėologija), etnolingvistika.

Adresas: Inženieru 101A, Ventspils, LV-1036, Latvia.

Tel. (+ 371) 26784648.

El. paštas: stoikova@lanet.lv.

Tatjana Stoikova: Dr. philol., The Senior Researcher at the Centre for Applied Linguistics, Ventspils University College.

Research interests: contact linguistics (Russian, Slavic and Baltic languages), comparative semantics (phraseology), ethnolinguistics.

Address: Inženieru 101A, Ventspils, LV-1036, Latvia.

Phone: (+ 371) 26784648.

E-mail: stoikova@lanet.lv.

Татьяна Стойкова

Латвия, Вентспилская высшая школа | *Latvija, Ventspils Augstskola*

ЛИТОВСКО-РУССКАЯ, ЛАТЫШСКО- РУССКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ¹

Anotacija

В статье на основе сопоставительного-типологического анализа фонологических/фонетических систем русского, латышского и литовского литературных языков систематизируются явления фонетической интерференции. Для этой цели впервые используется типология фонетической интерференции, предложенная У. Вайнрайхом. Рассматриваются четыре типа интерференции: недодифференциация фонем, сверхдифференциация фонем, реинтерпретация (т.е. переосмысление) различий, субституция звуков. Типология формирует теоретическую базу для прогнозирования фонетической интерференции.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: языковые контакты, латышский, литовский, русский языки, фонетика и фонология, вокализм и консонантизм.

Abstract

In the article on the basis of the comparative and typological analysis of phonetic systems of the Russian, Latvian and Lithuanian literary languages the facts of the Latvian-Russian and Lithuanian-Russian phonetic interference are systematized. The typology of the

¹ Статья выполнена в рамках гранта правительства Литовской Республики (Education Exchanges Support Foundation), 2012 г.

phonetic interference, offered by U. Weinreich, is used for this purpose. Four types of a phonetic interference are considered: insufficient differentiation of phonemes, superdifferentiation of phonemes, reinterpretation of distinctions, substitution of sounds. The typology forms theoretical base for forecasting of a phonetic interference.

KEYWORDS: Language contacts, Latvian, Lithuanian, Russian languages, Phonetics and Phonology, vocalism and konsonantizm

DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rh.v0i16.1027>

Введение

В актуальные задачи всестороннего и комплексного изучения современной полилингвальной языковой ситуации, которая исторически сложилась как в латвийском, так в литовском сообществах, входит и изучение процессов *межъязыковой интерференции* (в дальнейшем – интерференция) как одного из результатов контактирования языков. Взаимодействие в языковом сознании билингва систем двух языков неизбежно порождает интерференцию, проявляющуюся в индивидуальной речи (на всех уровнях языка).

Вопросам интерференции посвящена обширная научная литература. Эта проблематика находилась в фокусе внимания исследователей в 70–80 гг. XX в. Возрождение исследовательского интереса к процессам интерференции в XXI в., по-видимому, связано с социолингвистическим изучением билингвизма в обновлённом полилингвальном мире.

Данная статья представляет опыт систематизации латышско-русской и литовско-русской фонетической интерференции в сопоставительно-типологическом аспекте. Явления фонетической интерференции, т.е. фонетические нарушения, отклонения от фонетической нормы в русской речи латышей, литовцев (как и в латышской и литовской речи русских) обусловлены взаимодействием систем этих языков (в первую очередь фонологических / фонетических), влиянием норм родного языка, переносом произносительных навыков на русскую (латышскую, литовскую) речь. Лингвистическое объяснение механизмов интерференции создает основу для её преодоления, даёт возможность предупреждать и устранять из речи нарушения нормы, вызванные интерференционным влиянием, а в конечном счёте – формировать языковую и речевую компетенции билингва.

Методологическую базу лингвистического изучения интерференции составляет сопоставительный метод. Он предполагает проведе-

ние научного описания и сопоставления систем контактирующих языков. В результате сопоставления выявляются как различия, так и сходства сравниваемых систем. Использование лишь контрастивного метода, оперирующего различиями, недостаточно, т.к. источником интерференции нередко оказываются «не только – как первоначально считалось – сильные контрасты, но и главным образом сходства и слабые контрасты» (Хельбиг 1989, 309). Например, и в литовском, и в русском языках происходит ассимилятивное смягчение групп согласных перед гласными переднего ряда. Это сходство, но сходство частичное, потому что в литовском такое ассимилятивное смягчение – процесс обязательный и последовательный, «группы согласных перед гласными переднего ряда смягчаются полностью» (Гаршва 1985, 163), ср. лит. *kalbu* (*ka[lb]u*), *kalbėti* (*ka[l' b']ėti*); *kūdra* (*kū[dr]a*), *ordinas* (*o[r'd']inas*); *šliūžė* (*[š' l']iūžė*), *šlubas* (*[šl]ubas*); исключение – согласные *k*, *g*, на которые правило ассимилятивного смягчения не распространяется: перед мягкими они «сохраняют велярную артикуляцию» (ГЛЯ 1985, 31); ср. *alksnis* (*a[l' ks']nis*); *bėgi* (*bė[g']i*) – *bėgti* (*bė[gt']i*). А вот в русском языке смягчение согласного перед мягким происходит не последовательно: в одних словах фиксируется смягчение, в других – нет и, напротив, «закрепляется произношение с твёрдым»; ср. *разве* (*pa[z' v']e*) – *развит* (*pa[zv']ut*), *в избе* (*v u[z' b']e*) (Панов 1979, 130). Билингв под интерференционным влиянием фонетических норм родного, литовского, языка, на первых этапах освоения второго языка, вероятнее всего, будет произносить – с нарушением нормы русского – *в u[z' b']e* (вместо *v u[z' b']e*), *o[p' d']en* (вместо *o[pd']en*), *pa[z' v' u]t* (вместо *pa[zv']ut*) и т. д.

Данные сопоставительного анализа позволяют предсказать с высокой степенью точности наиболее вероятные нарушения вторичной звуковой системы, т. е. установить потенциальные зоны фонетической интерференции в речи на неродном языке. Однако реальная картина фонетических нарушений может значительно отличаться от прогнозируемой, так как зависит не только от лингвистических, но и от ряда психофизиологических, социокультурных факторов (Вайнрайх 1979, 26–27). Учитывая зависимость результатов интерференции от экстралингвистических факторов, абсолютизировать сопоставительный метод при изучении процессов интерференции не следует –

целесообразно сочетать его с другим методом – эмпирического анализа ошибок. Эмпирический анализ ошибок констатирует реальные нарушения нормы, но не даёт им объяснения. Сочетание же методов – сопоставительного (сопоставительно-сравнительного) и метода анализа ошибок (о методах см. Хельбиг 1989; Никкель 1989) – помогает представить реальную картину интерференции в речи и выявить её частотные проявления. В данной статье из двух названных методов применяется только первый – сопоставительный, позволяющий теоретически прогнозировать потенциальные зоны интерференции.

Кроме того, так как сопоставительный анализ языковых систем находится во взаимосвязи с типологическим анализом и классификацией языковых фактов, «добытых при сопоставительном изучении языков» (Скаличка 1989, 31), сопоставление фонологических систем разных языков создает базу для типологии интерференции.

Сопоставление фонологических систем русского и балтийских языков как методологическая основа типологии фонетической интерференции

Сопоставительный анализ фонологических / фонетических систем генетически родственных языков – русского и латышского – предпринимался латвийскими лингвистами Янисом Розенбергом (Rozenbergs 1969) и Марией Ф. Семёновой (Семёнова 1994), русского и литовского – литовскими лингвистами Видой Михальченко (Михальченко 1976) и Казимиром Гаршвой (Гаршва 1983). Отсылая к этим исследованиям, а также к академическим грамматикам сопоставляемых языков, представим в самом общем виде и избирательно характеристики вокализма и консонантизма в русском, латышском и литовском языках, акцентируя лишь то, что значимо для анализа интерференции в рамках данной статьи.

Итак, в современном русском литературном языке 35 согласных фонем и 6 (или 5) гласных. Спорное количество гласных фонем отражает предмет научной дискуссии между Ленинградской фонологической школой (в дальнейшем ЛФШ) и Московской фонологической школы (в дальнейшем МФШ) по поводу существования фонемы /ы/. Представители МФШ (Р. Аванесов, А. Реформатский и др.) считают, что самостоятельной фонемы /ы/ нет, есть вариант фонемы /и/,

тогда как представители ЛФШ выделяют /ы/ как отдельную фонему (Реформатский 1970, 70–71; Щерба 1983, 69–72), благодаря чему количество гласных в русском языке, с точки зрения этой школы, и составляет 6 фонем. Мы придерживаемся точки зрения ЛФШ и рассматриваем /ы/ как отдельную фонему.

Русские гласные характеризуются дифференциальными признаками подъёма, ряда, огубленности: гласные верхнего подъёма /и/, /ы/, /у/; среднего подъёма /е/, /о/ и нижнего – /а/; переднего ряда /и/, /е/, непреднего ряда /у/, /о/, /а/, /ы/; огубленные /у/, /о/. Система согласных, как уже говорилось, включает 35 фонем, содержит оппозиции глухих и звонких, твёрдых и мягких. Для дальнейшего сопоставления выбрана оппозиция согласных по признаку твёрдость / мягкость, поэтому здесь важно указать, что мягких согласных фонем в русском языке – 18, из них 15 образуют оппозицию с твёрдой парой: /п/ – /п'/, /б/ – /б'/, /в/ – /в'/, /ф/ – /ф'/, /т/ – /т'/, /д/ – /д'/, /к/ – /к'/, /г/ – /г'/, /х/ – /х'/, /м/ – /м'/, /н/ – /н'/, /с/ – /с'/, /з/ – /з'/, /л/ – /л'/, /р/ – /р'/, кроме того, три твёрдых – /ш/ /ж/, /ц/ – и три мягких фонемы – /й/, /ч'/, /ш':/ – не имеют пары.

В современном латышском литературном языке 48 фонем. Систему вокализма образуют 12 гласных фонем-монофтонгов и 10 дифтонгов. Гласные фонемы-монофтонги характеризуются дифференциальными признаками ряда, подъёма, огубленности и длительности (последнего признака нет в русской системе вокализма): гласные переднего ряда – верхнего подъёма /i/ – /i:/, среднего подъёма /e/ – /e:/, нижнего подъёма /ɛ/ – /ɛ:/ (/æ/ – /æ:/), среднего ряда – нижнего подъёма /a/ – /a:/, заднего ряда – переднего подъёма огубленные /u/ – /u:/, среднего подъёма огубленные /o/ – /o:/. Латышские монофтонги образуют фонологическую оппозицию долгих и кратких гласных (MLLVG I 1959, 25–26). Дифтонги латышского языка: /ie/, /uo/, /ai/, /au/, /ei/, /eu/, /ei/, /ou/, /iu/, /ui/. По результатам последних исследований латвийских фонологов, /ie/ и /uo/ отличаются от остальных дифтонгов, т. к. функционируют как монофонемы, поэтому могут рассматриваться вместе с долгими гласными (Маркус 2000).

В латышском языке 26 согласных фонем: /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/, /k/, /g/, /c/, /dz/, /č/, /dž/, /m/, /n/, /ŋ/, /f/, /v/, /s/, /z/, /j/,

/x/, /š/, /ž/, /l/, /l̥/, /r/. Из 6 палатальных согласных только две имеют «твёрдую» пару: /l̥/ – /l/, /ŋ/ – /n/; непарными мягкими являются /k̥/, /g̥/, /j/, /č/.

Систему гласных фонем в современном литовском литературном языке образуют 12 монофтонгов /i:/, /e:/, /æ:/, /u:/, /o:/, /a:/; /i/, /æ/, /u/, /a/, <o>, <e> (краткие <o> и <e> считаются периферийными фонемами) и два слитных дифтонга, или полифтонга, /ie/ и /uo/ (ГЛЯ 1985, 17–21; DLKG 2005, 25). По другой терминологии слитные дифтонги, или полифтонги, называются сложными гласными (Петерсон 1955, 16). Некоторые фонологи не включают краткую фонему <e> в систему гласных (Гаршва 1983). Гласные фонемы имеют дифференциальные признаки ряда, подъёма, огубленности, длительности: верхнего подъёма – переднего ряда /i:/ – /i/, непереднего ряда лабиализованные /u:/ – /u/; неверхнего подъёма – переднего ряда /ie/, /e:/ – (<e>), непереднего ряда /uo/, непереднего ряда лабиализованные /o:/ – <o>; нижнего подъёма – переднего ряда /æ:/ – /æ/, непереднего ряда /a:/ – /a/ (DLKG 2005, 25). Признак длительности, фонологическая оппозиция долгих и кратких единиц, характеризующие систему гласных фонем литовского языка (как и латышского), отличают ее от русского. В систему литовского вокализма входят также 6 дифтонгов – бифонем: /ai/, /au/, /ei/, /ui/, /eu/, /oi/.

В литовском литературном языке 45 согласных фонем (37 + 8): /p/, /p'/, /b/, /b'/, /t/, /d/, /k/, /k'/, /g/, /g'/, /s/, /s'/, /z/, /z'/, /š/, /š'/, /ž/, /ž'/, /c/, /c'/, /č/, /č'/, /l/, /l̥/, /r/, /r'/, /m/, /m'/, /n/, /n'/, /v/, /v'/, /j/, /dz/, /dz'/, /dž/, /dž'/; 8 следующих считаются периферийными – /t'/, /d'/, /f/, /f'/, /ch/, /ch'/, /h/, /h'/. Все согласные фонемы, за исключением мягкого /j/, вовлечены в противопоставление твёрдых и мягких. Развитая оппозиция согласных по твёрдости-мягкости отличает литовский консонантизм от латышского, в котором только две соответствующие пары согласных (см. выше), и сближает с консонантизмом русского языка, хотя в литовском языке мягких согласных фонем больше, чем в русском.

Сопоставление систем русского и балтийских языков показывает, что значительные различия между ними наблюдаются в вокализме: «согласные сопоставляемых языков [русского и литовского – Т. С.] имеют значительно меньше различий, чем гласные» (Гаршва 1983,

162), данный факт указывает «на специфику системы гласных в обоих языках [русском и латышском – Т. С.] с древнейших времен» (Семёнова 1994, 39).

Типология фонетической интерференции

Типология фонетической интерференции, предложенная Уриэлем Вайнрайхом, позволяет систематизировать и лингвистически объяснить явления фонетических нарушений и может быть использована как теоретическая база для прогнозирования зон интерференционного взаимовлияния контактирующих языков. В данной типологии выделяются четыре типа явлений фонетической интерференции: недодифференциация фонем (в дальнейшем – недодифференцированность); сверхдифференциация фонем (в дальнейшем – сверхдифференцированность); реинтерпретация, или переосмысление, различий и субституция звуков (субституция, понимаемая в узком смысле) (Вайнрайх 1979, 45–46).

Данная типология рассматривается на материале русского, латышского и литовского языков – до сих пор к этим языкам типология не применялась, как, по-видимому, системно не применялась и к другим языкам. Автор типологии, У. Вайнрайх, использовал ее для иллюстрирования научных положений, представляя факты из разных языков на все четыре принципа (Вайнрайх 1979).

В задачи статьи не входит описание всего спектра явлений латышско-русской и литовско-русской фонетической интерференции. Основной целью является – показать возможности сопоставительно-типологического подхода при анализе интерференционных процессов и систематизации явлений фонетической интерференции.

1. Недодифференцированность фонем

Недодифференцированность фонем «происходит, когда смешиваются такие два звука вторичной системы, соответствия которым в первичной системе не различаются» (Вайнрайх 1979, 45). Другими словами, в языке А (первичном, в данном случае латышском / литовском) нет фонем, которые есть в языке Б (вторичном, в данном случае русском). Билингв, допускающий недодифференцированность, заме-

няет, отождествляя, две фонемы языка Б одной, которая есть в языке А – его первичной системе. Например, в латышском языке мало мягких согласных фонем – нет выраженной корреляции согласных по твёрдости/мягкости; нет гласной фонемы /ы/. В литовском языке также нет фонемы /ы/.

Латыш, говорящий по-русски, использует на месте как фонемы /ы/, так и русской фонемы /и/ латышскую фонему /i/. И в русской речи литовца на месте аллофонов /ы/ используются аллофоны /и/. Латышская /i/ и русская /и/ соответствуют друг другу по акустико-артикуляционным характеристикам, хотя и не совсем совпадают: лат. /i/ в акустическом плане более низкого тона, чем русская; в артикуляционном – при её звуковой реализации мускулы органов речи более напряжены (Rozenbergs 1969, 8). По сравнению с лит. /i/, рус. /и/ «по подъёму языка несколько более» верхняя и узкая (Михальченко 1976, 129). Вследствие недодифференцированности фонем, в русской речи билингвов, носителей латышского и литовского языков, смешиваются, не различаются звуки [u] и [y], например, в словах *пыль* – *пил*; *мыть* – *Мить* (имя собственное, обращение); *выть* – *вить*; *мыл* – *мил*; *быть* – *бить* и т. д. Билингв-латыш в этих словах, кроме гласных /и/ и /ы/, смешивает и согласные фонемы: вместо мягких [м'], [в'], [б'] произносит твёрдые [м], [в], [б]. Таким образом, замена гласной фонемы /ы/ на /и/ поддерживается и отсутствием в латышском языке выраженной оппозиции согласных по твёрдости / мягкости, небольшим количеством мягких согласных, что отражает принцип недодифференцированности латышских согласных фонем в сравнении с русским консонантизмом. По этому принципу русские твёрдые и мягкие фонемы отождествляются, на месте тех и других используются твёрдые, за исключением, может быть, /l/, /n/, имеющих мягкую пару – /l̥/, /n̥/. В русской речи билингва-литовца по принципу недодифференцированности смешиваются лишь гласные фонемы /ы/ – /и/, а перед гласными переднего ряда, в данном случае перед /i/, в литовском языке, как в русском и в отличие от латышского, согласные только палатализованные.

Смешение фонем /и/ и /ы/ нарушает и правильное звуко-буквенное соответствие: билингвы, носители и литовского, и латышского

языков, нередко на месте буквы *ы* пишут *и*. В этом случае мы имеем дело с фонетико-графической интерференцией.

2. Сверхдифференцированность фонем

Сверхдифференцированность фонем происходит, когда «на звуки вторичной системы накладываются фонологические различия первичной системы там, где их не должно быть» (Вайнрайх 1979, 45). Здесь ситуация обратная относительно недодифференцированности: в языке А (первичном) есть фонемы, которых нет в языке Б (вторичном). В латышском и в литовском как в первичных, исходных языках гласных фонем значительно больше, чем в русском. Здесь есть фонемы, которых нет в системе русского языка: 1) долгие гласные, образующие оппозицию с краткими; 2) открытые гласные переднего ряда нижнего подъёма /æ/, /æ:/, близкие в литовском и латышском, но различающиеся историческим происхождением и фонетической реализацией; 3) сложные гласные, или слитные дифтонги, литовского языка /ie/, /uo/ и аналогичные слитные дифтонги латышского. С «избытком» гласных в литовском и латышском языках и связано проявление сверхдифференцированности.

Итак, в русском языке нет долгих гласных и соответственно нет оппозиции долгие-краткие. Пять кратких латышских гласных относительно соответствуют русским фонемам, но не совсем с ними совпадают: лат. /i/ – рус. /и/, лат. /e/ – рус. /е/, лат. /u/ – рус. /у/, лат. /o/ – рус. /о/, лат. /a/ – рус. /а/. По артикуляционным характеристикам более других гласных сближаются рус. /и/ и лат. /i/ (Rozenberg 1969, 7). Лат. /æ/, /æ:/ соответствий в русском языке не имеют, как и лит. /æ/, /æ:/. Что касается других гласных монофтонгов литовского языка, то русские и краткие литовские гласные /a/, /o/, /u/, /i/, взаимно соответствуют, но не полностью совпадают: в частности, рус. /а/ в сравнении с лит. /а/ по артикуляции «несколько продвинута вперёд», рус. /о/ несколько более огубленная, чем лит. /о/, русская /и/ по подъёму языка «более высокий и напряжённый звук» (Михальченко 1976, 129).

Принцип сверхдифференцированности реализуется, когда фонологические различия гласных фонем латышского / литовского

языка – различия по долготе / краткости накладываются на гласные фонемы русского языка, не имеющие дифференциального признака длительности. В этом случае билингв произносит некоторые гласные в русских словах как долгие. Удлинняются не все гласные: удлинение происходит избирательно, в определённых фонетических и фонематических условиях. Так, латыш-билингв, в отличие от носителя литовского языка, удлинняет в первую очередь гласные в первом слоге (т. к. в латышском языке ударение фиксированное – на первом слоге, а в литовском – разноместное). Конечно, в ударном слоге русского языка гласные длиннее, чем в безударных, но все же короче, чем долгие латышские или литовские гласные.

Кроме того, нередко действует аналогия. Например, формы русских глаголов *завтракать*, *обедать*, *ужинать* билингв, носитель латышского языка, произносит так (с долгим гласным в суффиксе): *я závtrak[aa]ю*, *мы závtrak[aa]ем*, *я обед[aa]ю*, *я ўжин[aa]ю*, *мы ўжин[aa]ем* и т. д., очевидно, по аналогии с некоторыми формами латышских глаголов 2 спряжения на *-āt*: *es runāju* ‘я говорю’, *mēs runājam* ‘мы говорим’, *es staigāju* ‘я гуляю’, *mēs staigājam* ‘мы гуляем’, где во всех формах перед флексией в суффиксе долгий гласный [aa]. Звуковые совпадения финали латышских и русских глагольных форм, отличающиеся только долготой (лат.) / «краткостью» (рус.) гласного – идеальные условия для проявления сверхдифференцированности, т. е. наложения «избыточных» фонем языка А (латышского) на фонемы языка Б (русского). Следствием является неоправданное удлинение русских гласных.

Сверхдифференцированность проявляется и в замещении русских гласных фонемами балтийских языков – лат. /æ/, /æ:/ и лит. /æ/, /æ:/, не имеющих соответствий в русском. Наложение данных фонем на русские возможно, например, в словах (в речи латышей и литовцев): *э́тот* – [æ:]*тот*, *э́ти* – [æ:]*ти*, *ме́ра* – м[æ:]*ра*, *моме́нт* – мом[æ:]*нт*, *учи́тель* – учи́т[æ:]*ль*, *жи́тель* – жи́т[æ:]*ль*, *апре́ль* – апр[æ:]*ль*. По-видимому, под ударением будет реализовываться долгая фонема, в безударных слогах – краткая. Носитель литовского языка, вероятнее всего, произнесёт последние два слова без смягчения последнего согласного (как известно, в литовском финальные согласные не бывают мягкими): *апр[æл]*, *учит[æл]*.

К сфере сверхдифференцированности относятся ситуации, когда билингв, чаще носитель литовского, чем носитель латышского языка, произносит дифтонг /ie/ на месте рус. монофтонга /е/ под ударением после мягкого согласного, например, в словах *вёра* (*в[ie]ра*), *свет* (*св[ie]т*), *дéло* (*д[ie]ло*), *хлеб* (*хл[ie]б*) и др.; а также дифтонг /uo/ на месте рус. /о/ под ударением после велярного согласного, например: *во́ля* (*в[uo]ля*), *забо́та* (*заб[uo]та*), *рабо́та* (*раб[uo]та*) и др. В приведённых и аналогичных примерах, при «благоприятных», поддерживающих фонетических условиях, очевидно наложение на русские монофтонги “избыточных” фонем – слитных литовских дифтонов /ie/, /uo/ и эквивалентных слитных дифтонгов латышского языка. В вокализме современного русского литературного языка дифтонгов нет, однако для подобного произношения существуют некоторые предпосылки. Так, в русском литературном языке гласный [е] в ударном слоге (в начале слова и после мягкого согласного) «не совсем однороден в своём протяжении; он начинается с лёгкого [и]-образного приступа: произносится как бы [Ие]” (Аванесов 1984, 55), как и гласный [о] в начале слова и после твёрдых согласных “начинается с [у]-образного приступа: произносится как бы [Уо]” (там же, 56).

В области консонантизма сверхдифференцированность находит выражение, например, в использовании билингвом-литовцем мягких согласных там, где в русской речи их быть не должно. «Избыточность» мягких согласных в литовском относительно русского консонантизма связана с последовательным противопоставлением всех согласных литовского языка (кроме /j/) по твёрдости / мягкости: русские фонемы /ц/, /ш/, /ж/ – твёрдые непарные, эквивалентные литовские /с/, /š/, /ž/ имеют мягкую пару – /с’/, /š’/, /ž’/; русская /ч’/ мягкая непарная – соответствующая фонема в литовском – парная: /č’/ – /č/. Таким образом, в русской речи литовца произношение мягких и твёрдых согласных в словах может варьироваться – с нарушением русской нормы в зависимости от фонетических условий: перед гласными переднего ряда – палатальные, перед непередними гласными – велярные; ср.: *жизнь* (*[ж’изн]* вместо *[жыз’н’]*), *живот* (*[ж’и]вот* вместо *[жы]вот*) – но *жалко* (*[ж]алко*); *шина* (*[ш’и]на* вместо *[шы]на*) – но *шум* (*[ш]ум*); *цифра* (*[ц’и]фра* вместо *[цы]фра*) – но *царь* (*[ц]арь*); *часть* (*[част]* вместо *[ч’ас’т’]*) – но *чисто* (*[ч’исто]*) и т. д.

3. Реинтерпретация, или переосмысление, различий

Реинтерпретация, или переосмысление, различий наблюдается в случаях, когда билингв «различает фонемы вторичной системы по тем признакам, которые для неё являются лишь сопутствующими или избыточными, тогда как для его первичной системы они релевантны» (Вайнрайх 1979, 46). Другими словами, в языке А и в языке Б есть эквивалентные фонемы, различающиеся некоторыми дифференциальными признаками, и билингв оценивает эти фонемы во втором языке исходя из признаков первичной языковой системы. В этом и проявляется интерференционное влияние исходного языка.

Так, редукция безударных гласных в слоге – фонетический закон русского вокализма. В русском языке в сильной позиции под ударением различаются все шесть гласных фонем, а в безударном положении – только три фонемы верхнего подъёма – /и/, /у/, /ы/. Русские безударные гласные испытывают количественно-качественную редукцию разной степени. В результате редукции безударные гласные **о**, **е**, **а** нейтрализуются по признаку подъёма и ряда, т. е. изменяются не только количественно, но и качественно – теряют свои дифференциальные признаки. Например, в словах: *молоко́* [м'ъл'к'о́], *коро́ва* [к'л'р'о́в'ъ] безударный гласный **о** становится более задним и нижним и теряет огубленность; *величи́на* [в'ь'л'ьч'и́на], *берё́за* [б'и'р'о́за] гласный **е**, нейтрализуясь по признаку подъёма, становится более верхним; для *пяти́* [п'и'т'и] гласный **а** также становится верхним, ср. *пять* [п'ат'].

В балтийских языках качественной редукции безударных гласных не происходит. В латышском языке во всех слогах – и в безударных, и в ударных, – гласные произносятся одинаково отчётливо, качественно не изменяясь (количественно – ударные гласные несколько длиннее безударных), т. е. в потоке речи сохраняют дифференциальные признаки – лабиализованность, ряд, подъём (исключение составляет позиция в абсолютном конце слова, где гласный испытывает специфическую редукцию (Muižniece 2002, 73)). В литовском языке для безударного вокализма также «характерна устойчивость»: гласные сохраняют свои качественные и количественные характеристики в любой позиции (Михальченко 1976, 131). Таким образом, и в

латышском, и в литовском языках в безударных слогах различаются все гласные фонемы. Эта общая особенность вокализма балтийских языков – переносится на русскую речь билингва и становится источником интерференции: под влиянием родного языка, литовского или латышского, дифференциальные признаки русских гласных в безударных слогах не изменяются, т. е. гласные произносятся одинаково отчетливо, различаясь во всех слогах, что является нарушением норм русского языка: *м[о]л[о]ко́*, *к[о]ро́в[а]*, *в[е]л[и]ч[и]на́*, *п[я]ти́* – ср. приведённую выше транскрипцию.

Отчётливое произношение билингвом, носителем латышского или литовского языка, русских безударных гласных, различие гласных *а – о*, *е – и* в безударных слогах, где должна происходить нейтрализация дифференциальных признаков, связаны и с различным характером словесного ударения в русском и балтийских языках. Как известно, в русском языке ударение по месту в слове – свободное, или разноместное; по способу выделения ударного слога – количественно-динамическое. Количественный фактор сочетается с качественным: удлинение ударного гласного сопровождается редукцией и качественным изменением безударного.

В латышском языке по месту в слове ударение связанное; так как выделение акцентированного слога достигается более громким и сильным произношением – латвийские фонетисты говорят о динамическом характере ударения (MLLVG I, 69–70; Laua 1997, 108). Как это часто бывает в языках с динамическим ударением, в латышском языке ему также сопутствует количественный фактор, т. е. ударные гласные, как долгие, так и краткие, длиннее безударных (о количественных соотношениях ударных и безударных гласных см. Liera 1979, 19). Динамическое ударение в латышском языке тесно связано со слоговой интонацией, которая окрашивает долгие слоги, – поэтому, хотя в отношении латышского языка фонологи не говорят о музыкальном ударении (по-видимому, по той причине, что интонация окрашивает все долгие слоги – не только ударные, но и безударные), тем не менее динамическое ударение, сочетаясь с интонационным выделением ударного слога, приобретает качества музыкального.

В литовском языке ударение по месту в слове – свободное, что сближает его с русским языком. По способу выделения ударного сло-

га «литовское ударение нельзя считать ни чисто музыкальным, ни динамическим»: оно носит «комплексный характер» (ГДЯ 1985, 45). В связи с динамическим характером ударения в литовском языке происходит увеличение длительности ударного гласного: «наблюдается почти регулярное удлинение [e, a] в неконечных слогах» (там же, 46); музыкальные качества ударения связаны, как и в латышском языке, со слоговыми интонациями, окрашивающими долгие (ударные и безударные) слоги (там же, 46–48).

Авторы сопоставительных исследований, сравнивая артикуляцию гласных, отмечают, что относительно русских долгие латышские гласные произносятся с ещё большим напряжением артикуляционного аппарата, чем краткие (Rozenbergs 1969, 8, 11); «в литовском языке гласные произносятся отчётливее, с большим напряжением речевого аппарата» (Михальченко 1976, 132). Более напряженное и отчётливое произношение гласных в литовском и в латышском языках, по сравнению с русским, определяется музыкальными качествами ударения – прежде всего наличием слоговой интонации. Вполне естественно, что сформированные произносительные навыки билингв переносит и на русскую речь. Однако высокая степень напряжения речевого аппарата находится в противоречии с артикуляцией редуцированных (безударных) русских гласных. Только «ненапряженная, вялая артикуляция», по оценкам фонологов, характерная для русских гласных (там же, 132) может обеспечить ступенчатую редукцию безударных.

4. Субституция звуков

Субституция, или замена, звуков, «происходит с теми фонемами, которые в обоих языках определяются одинако, но в их нормальном произношении существуют различия» (Вайнрайх 1979, 46). Например, русские и латышские /ž/ и /š/ – твёрдые фонемы, но в латышском языке аллофоны [ž] и [š] звучат мягче, чем в русском, поэтому в русской речи латышей [ж], [ш] в словах *жизнь*, *шина* и т. д. произносятся мягче и соответственно в восприятии монолингва заметно смягчены. Русская /ч'/ и латышская /č'/ – напротив, мягкие фонемы, однако реализации в речи русской фонемы мягче, чем латышской – *человек*, *чёлка*, *чистить* и т. д. Эти различия также перцептивно улавливаются носителями русского языка.

Субституция в русской речи литовца может наблюдаться при фонетической реализации мягких согласных фонем, имеющих соответствия в литовском: литовские фонологи считают, что русские согласные перед гласными переднего ряда смягчаются больше, чем соответствующие им согласные литовского языка (Михальченко 1976, 133; Гаршва 1983, 164). Это означает, что мягкие согласные в русской речи литовца носителем русского языка воспринимаются как недостаточно мягкие, а скорее, полумягкие – и, как правило, это не согласуется с нормой: *тетра́дь* [t'e]tɾáď (вместо [t'u]tɾáď), *неде́ля* [n'eɖ'x:]l'ja (вместо [n'u'ɕ'ɖ'e]l'ja) и т. д.

Представленная типология не только позволяет выявлять потенциальные зоны интерференции – она также содержит социолингвистическую информацию о возможности прогнозировать те фонетические нарушения, которые искажают содержательную сторону речи билингва на неродном языке и тем самым препятствуют пониманию этой речи монолингвом. Не все типы фонетической интерференции способны вызывать непонимание или неправильное понимание речи. Субституция, «непривычное произношение фонемы, которая может быть опознана», «наименее всего подвержена угрозе непонимания», как и явления сверхдифференцированности (Вайнрайх 1979, 49). А вот недодифференцированность фонем «неизменно вызывает у одноязычного слушателя дезориентацию, пусть даже она незначительна и компенсируется контекстом», некоторые случаи реинтерпретации различий также «приводят к недоразумениям» (там же, 49–50). Ср.: следствия сверхдифференцированности фонем – *д[ie]ло* (дело), *м[ie]сто* (место); субституции звуков – *ж[ʉ]знь* (жизнь); переосмысления различий – *м[о]локо* (молоко) – не мешают пониманию смысла речи, тогда как следствия недодифференцированности фонем – *мыл*: лит. [m'ил], лат. [m'ил] – *мил*: лит. [m'ил], лат. [m'ил] – действительно, могут вызвать непонимание, которое, впрочем, снимается контекстом.

Заключение

Рассмотренная типология даёт возможность классифицировать явления фонетической интерференции: на основе принципов сверхдифференцированности и недодифференцированности систематизи-

руются фонетические нарушения нормы, связанные с наличием / отсутствием тех или иных фонем в сопоставляемых языках. Принцип переосмысления различий отражает различия в наборе и функционировании дифференциальных признаков фонем в этих языках. Субституция выявляет тождественные фонемы (с одинаковым набором дифференциальных признаков), обнаруживая вместе с тем некоторые особенности в их звуковой реализации.

Типология фонетической интерференции демонстрирует возможности сопоставительно-типологического метода при исследовании процессов интерференции; она может служить теоретической базой для прогнозирования полной картины потенциальных зон интерференции при взаимодействия языков. Полученные теоретические данные также могут эффективно применяться в лингводидактике – в практических целях предупреждения и преодоления фонетической интерференции.

Сокращения

лат. – латышский (язык), латышская (фонема)
лит. – литовский (язык), литовская (фонема)
ЛФШ – Ленинградская фонологическая школа
МФШ – Московская фонологическая школа
рус. – русский (язык), русская (фонема)

Литература

- Аванесов 1984 – Рубен И. Аванесов. *Русское литературное произношение*. Москва: «Просвещение».
- Вайнрайх 1979 – Уриэль Вайнрайх. *Языковые контакты*. Киев: «Вища школа».
- Гаршва 1983 – Казимир Гаршва. Сопоставление фонологических систем литовского и русского языков. *Kalbų kontaktai Lietuvos TSR. Lietuvių kalbotyros klausimai XXIII*. Vilnius: Mokslas, 159–174.
- ГЛЯ 1985 – *Грамматика литовского языка*. Вильнюс: «Мокслас».
- Михальченко 1976 – Вида Ю. Михальченко. Типологические особенности литовского и русского языков. *Развитие национально-русского двуязычия*. Москва: «Наука», 128–157.
- Никкель 1989 – Г. Никкель. Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. Москва: «Прогресс», 350–365.
- Панов 1979 – Михаил В. Панов. *Современный русский язык. Фонетика*. Москва: «Высшая школа».

- Петерсон 1955 – Михаил Н. Петерсон. *Очерк литовского языка*. Москва: Изд-во Академии Наук СССР.
- Реформатский 1970 – Александр А. Реформатский. *Из истории отечественной фонологии*. Москва: «Просвещение».
- Семёнова 1994 – Мария Семёнова. *Сопоставительная грамматика русского и латышского языков*. Rīga: SIA „Vārds”.
- Скаличка 1989 – Владимир Скаличка. Типология и сопоставительная лингвистика. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. Москва: «Прогресс», 27–31.
- Хельбиг 1989 – Герхард Хельбиг. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. Москва: «Прогресс», 307–327.
- Щерба 1983 – Лев В. Щерба. *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. Москва: «Наука».
- DLKG 2005 – *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. A Grammar of Modern Lithuanian*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Laua 1997 – Alise Laua. *Latviešu literārās valodas fonētika*. Rīga: „Zvaigzne ABC”.
- Liepa 1979 – Elmārs Liepa. *Vokālisma un zilbju kvantitāte latviešu literārajā valodā*. Rīga: „Zinātne”.
- Markus 2000 – Dace Markus. Latviešu valodas patskaņu fonoloģiskā klacifikācija. *Valoda un literatūra kultūras aprītē. LU Zinātniskie raksti. 624. sēj.* Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 135.–143. lpp.
- MLLVG I 1959 – *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. Fonētika un morfoloģija*. Rīga: LPSR ZA izdevniecība.
- Muižniece 2002 – Lalita Muižniece. *Latviešu valodas praktiskā fonoloģija*. Rīga: „Rasa ABC”.
- Rozenbergs 1969 – Jānis Rozenbergs. *Latviešu un krievu valodas fonēmu salīdzinājums*. Rīga: Latvijas universitāte.

Tatjana Stoikova

LIETUVIŲ IR RUSŲ, LATVIŲ IR RUSŲ KALBŲ FONETINĖ INTERFERENCIJA: TIPOLOGINIO TYRIMO PATIRTIS

Santrauka

Šiame straipsnyje supažindinama su bandymu sisteminti lietuvių ir rusų bei latvių ir rusų kalbų fonetinės interferencijos reiškinius. Šių reiškinių klasifikacija paremta tiek gretinamąja rusų ir baltų kalbų analize, tiek ir Urielio Weinreichio pasiūlyta fonetinės interferencijos tipologija, kurioje išskiriami keturi fonetinės interferencijos tipai: 1) nepakankama fonemų diferenciacija (angl. *insufficient differentiation of phonemes*,

ru. *недодифференциация фонем*), 2) perteklinė fonemų diferenciacija (angl. *superdifferentiation of phonemes*, ru. *сверхдифференциация фонем*), 3) skirtumų reinterpretacija (ang. *reinterpretation of distinctions*, ru. *реинтерпретация, или переосмысление, различий*) ir 4) garsų substitucija (angl. *substitution of sounds*, ru. *субституция звуков*).

Remiantis nepakankamos ir perteklinės fonemų diferenciacijos principais sisteminami fonetinių normų pažeidimai, susiję su vienu ar kitu fonemų buvimu / nebuvimu gretinamosiose kalbose. Skirtumų reinterpretacijos principas parodo fonemų diferencinių požymių rinkinio (komplekso) ir funkcionavimo skirtumus gretinamosiose kalbose. Substitucija atskleidžia tapačias fonemas (su vienuodu diferencinių požymių rinkiniu) ir kartu nurodo kai kuriuos jų garsinės realizacijos ypatumus.

Pavyzdžiui, nepakankama fonemų diferenciacija pasireiškia tuo, kad dvikalbis žmogus (bilingvas) pakeičia dvi antrosios kalbos B (rusų) fonemas viena, esančia jo pirmosios kalbos A (lietuvių / latvių) sistemoje. Tiek lietuvių, tiek latvių kalboje nėra balsinės fonemos /ɪ/ – tokių bilingvų rusų kalboje taip pat neskiriami garsai [u] ir [ɪ]: *пыль* – *пил*; *вить* – *вить*; *мыл* – *мил*. Vietoj fonemos /ɪ/ ir fonemos /и/ alofonų vartojami lietuvių ir latvių kalbų fonemos /i/ alofonai.

Straipsnyje nuodugniai aptariami visi keturi lietuvių ir rusų, latvių ir rusų kalbų fonetinės interferencijos tipai, kartu atskleidžiant ir tokio gretinamojo-tipologinio metodo galimybes tyrinėjant interferencijos procesus. Šiame straipsnyje aptariama tipologija galėtų būti teorinė bazė potencialioms dėl kalbų sąveikos atsirandančioms interferencijos zonoms prognozuoti.